

Л.А. Маркова

О метафизических основаниях аналитической философии (К.-О.Апель и его оппоненты)*

1. К.Апель о невозможности intersubjectивного общения на базе логического позитивизма

Размышляя над проблемой intersubjectивности, К.-О.Апель ориентировался на Л.Витгенштейна как философа и логика, сумевшего достаточно фундаментальным образом обосновать две крайние позиции в аналитической философии XX в.: философия науки как одна логика и один субъект, что исключало не только необходимость, но и саму возможность какого бы то ни было intersubjectивного общения (ранний Витгенштейн); и теория языковых игр, которая базируется на контекстуальном, ситуативном конструировании языковых правил и значений слов, что предполагает присутствие в логике многих субъектов, отношения которых друг с другом необходимо как-то осмыслить (поздний Витгенштейн). Витгенштейн в «Философских исследованиях»¹, по словам Апелья, полностью отходит от своей ранней, основанной на естественных науках модели языка, дополняя и релятивизируя ее неисчерпаемой прагматикой языковых игр.

Философское развитие Витгенштейна в целом, полагает Апель, вопреки сравнительному одиночеству этого мыслителя, можно рассматривать параллельно генеральной линии развития неопозитивистского анализа языка от синтактико-семантического сциентизма к прагматической точке зрения. И это развитие принесло с собой отход от ориентированных на логику языковых конструкций и все более углубленное изучение сущности обыденного языка².

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00306а.

В первой половине XX в. можно говорить, полагает Апель, о переходе от теории познания к языковому анализу, как минимум, в англосаксонской философии. Этот анализ не обращается к объективному положению дел, которое рассматривается в естествознании, но обращается к предложениям науки, короче говоря, он обращается не к вещам, а к языку, который говорит о вещах. Апель стремится выявить в позиции раннего Витгенштейна те моменты, которые свидетельствуют о неизбежности для аналитической философии выхода за пределы философии науки как она понималась логическим позитивизмом. Логический позитивизм утверждает несостоятельность метафизики, но, в то же время, строит свою логику на базе предпосылок, которые он разделяет (как философия языка) с традиционной философией Нового времени. Прежде всего, это идея *одного* субъекта научной деятельности. *Методический солипсизм* в аналитическую философию языка ввел Витгенштейн в качестве его трансцендентальной предпосылки. Суть его в том, что может быть только *один* субъект познания, который превращает всех остальных в предмет объяснения и описания. При этом чтобы с помощью логики иметь возможность однозначно выводить научное знание из данных наблюдения, необходим идеальный научный язык в духе математической логики, который положил бы конец бесконечным словесным спорам философов. В этой идее, по мнению Апеля, присутствует характерный мотив неолейбницианской метафизики, заимствованный логическим эмпиризмом Б. Рассела и молодого Витгенштейна. «...Можно, на мой взгляд, – пишет Апель, – утверждать, что логический эмпиризм располагал теоретическим базисом для обещанного им “преодоления метафизики логическим анализом языка”³ ровно в той мере, в какой он тайно придерживается метафизики неолейбницианства»⁴. Когда же, продолжает Апель, он отказался от одного-единственного языка-исчисления в пользу «принципа толерантности или конвекциональности»⁵ конструктивной семантики, он утратил и теоретический базис для критики метафизики.

Лейбниц считал необходимым введение универсального языка науки для возможности лучшего понимания ученых и философов друг другом. С этой же целью разрабатывал единый язык и Витгенштейн, а именно, с целью установления возможности intersubъективного общения. Если задаться вопросом, каковы предель-

ные предпосылки неопозитивистской «logic of science», то можно ожидать, прежде всего, ответа, который звучит так: единственная априорная предпосылка, подразумеваемая логическим позитивизмом, касается *значимости формальной логики*. Именно с ее помощью должно выводиться из фактов, данных в наблюдении, научное знание. Но если подумать, то становится очевидным, что эта предпосылка не является последней, что в логическом эмпиризме имеются и дальнейшие априорные предпосылки. Действительно, не существует просто такого факта, что есть факты. На самом деле априорной предпосылкой является то, что есть факты, которые не зависят от человеческого мышления и могут быть признаны за факты посредством наблюдения в интересубъективно значимой форме. В результате обнаруживается, что предельными предпосылками логического эмпиризма выступают два метафизических принципа Лейбница: то, что существуют логические *истины разума* и опытные *истины фактов*.

Апель показывает, таким образом, что борьба неопозитивизма с метафизикой не только не исключает его опору на целый ряд метафизических предпосылок, но делает такое метафизическое основание для него необходимым. Строгое логическое рассуждение, направленное на опровержение метафизики, само покоится на метафизических основаниях. Кроме того, ориентированный с самого начала на максимальное облегчение взаимопонимания, формализованный язык науки не будет содействовать интересубъективному общению до тех пор, пока не будет делать такое взаимопонимание излишним. Формализованные языки науки принципиально нельзя применять для установления взаимопонимания в полном смысле этого слова, пишет Апель. В любом случае на языке исчисления могут быть выражены предложения о положениях дел и логические следствия, но не высказывания и речевые акты, которые содержат персональные идентификаторы типа «я», «ты», «мы», «вы» и пр., и как раз посредством этого выражают ситуацию интересубъективной коммуникации. Речевые акты, например, утверждения, вопросы, заверения и т.д., помещая пропозициональное содержание высказываний в диалог, не могут найти себе места в формальном языке, поскольку они принадлежат не к объективному синтактико-семантическому, а к субъективному, прагматическому измерению языка как знаковой системы. Это прагматическое измерение рече-

вых актов в физикалистском языке науки само должно превратиться в объект семантической референции, а следовательно, в объект бихевиористической науки.

Отсюда возникает необходимость интерсубъективного взаимопонимания как трансцендентальной предпосылки любых конвенций, используемых при построении языка науки. В связи с этим, полагает Апель, можно постулировать *трансцендентальную прагматику* коммуникативного сообщества ученых (Апель ссылается при этом на Ч.Пирса). Большое значение Апель придает идее Витгенштейна, высказанной им в «Трактате», которая состоит в том, что логическая форма идеального языка, отображающего мир, не конструируется как угодно, а *скрыта в обыденном языке в качестве условия возможности любой конструкции*. Она может лишь «показывать себя». При этом субъект логики не принадлежит миру, а обозначает его границу. Если, согласно Витгенштейну, для любого Я априори значима одна и та же идеальная форма мироописания, то не требуется никакой интерсубъективной коммуникации (в смысле предварительного взаимопонимания), касающейся языкового употребления и связанной с ним интерпретации мира. Это значит, что трансцендентальная прагматика или герменевтика мира как жизненного мира или мира ситуаций не является ни необходимой, ни возможной. Ведь каждый ученый как трансцендентный субъект полностью самодостаточен, и его язык является языком всех остальных субъектов. Апель приводит высказывание Витгенштейна о том, что Я солипсизма сворачивается до непротяженной точки и остается соотношенная с ним реальность. Один субъект, один мир. Солипсизм совпадает с реализмом, пишет Витгенштейн. При этом отрицается не *существование* других субъектов, а предпосылки возможности их коммуникации друг с другом. Для ученого принципиально возможно редуцировать всех прочих ученых на уровень объектов его «описания» и «объяснения» их поведения. Апель утверждает, что именно такая позиция стала последней предпосылкой неопозитивистской идеи объективистской единой науки. И эта скрытая предпосылка оставалась действующей и тогда, когда *логический эмпиризм* отделился от метафизики логического атомизма (Рассела и Витгенштейна) в пользу *принципа конвенционализма*, принятого в конструктивной семантике.

Логический эмпиризм стремится реализовать намерение Витгенштейна (в *Трактате*) преодолеть «бессмысленную» метафизику посредством логического анализа языка, занявшись конструктивным синтаксисом и семантикой языка науки. При этом, однако, оказалось, что не удается сохранить в качестве постулатов две идеи, основополагающие для логического позитивизма: это идея универсального языка «единственной» науки и идея элементарных предложений, отображающих «единственные» факты наблюдения, которые могут считаться независимыми от теоретических контекстов (протокольные предложения). Оказалось, что, с одной стороны, построение языков, применимых в науке, осуществляется дифференцированно с учетом их интерпретируемости с помощью конкретных языков наблюдения, соответствующих особым фактам, тогда как, с другой стороны, описание данных наблюдения как фактов уже предполагает наличие некоторой теории.

В связи с этими обстоятельствами Апель считает возможным выдвинуть еще одну априорную предпосылку неопозитивистской «logic of science» (кроме логики, фактов и формализованного языка): предпосылку *конвенций*. Конвенции необходимы, по его мнению, для построения семантических каркасов (*semantical frameworks*) в качестве языков науки. Кроме того, конвенции необходимы для получения предложений наблюдения, которые могут функционировать в качестве базисных предложений для подтверждения или фальсификации гипотез и теорий. В результате получается, что, в противоположность трансцендентальной семантической концепции раннего Витгенштейна, предельную предпосылку логики науки образует *трансцендентальная прагматика* интересующей коммуникативной коммуникации.

Апель сознает, что такое утверждение наталкивается на целый ряд трудностей. Прежде всего, подвергается опасности программа объективистской единой науки. Пришлось бы предположить, что ученые, делающие эту науку, являются не только объектами описания и объяснения, но еще и *ко-субъектами* взаимопонимания на базе языка, построенного на основе понимания смысловых интенций. Кроме того, признание метанаучной и метасемантической проблематики взаимопонимания означает для формалистического метода языковой реконструкции трудно выполнимое требование

отказа от Лейбницевой надежды на замену трудностей взаимопонимания, возникающих в обыденном языке, на абсолютное взаимопонимание, опосредованное искусственным языком.

Еще одним препятствием на пути признания трансцендентальной проблематики взаимопонимания является предпосылка методического солипсизма, которая лежит не только в основе эмпирической и рационалистической философии Нового времени, но и программы самой конструктивной семантики. Представителям логического эмпиризма свойственно понимать под конвенцией абсолютно *иррациональный* фактор, который либо должен предшествовать любому рациональному дискурсу, либо отменять его. Конвенция как будто тождественна произвольному решению.

Является беспорным, полагает Апель, что конвенции должны предшествовать любым рациональным операциям мышления и познания в духе неопозитивизма. Конвенции не выводятся дедуктивно из последних принципов некоего исчисления, и точно так же они не выводятся непосредственно из эмпирических наблюдений. «И все же, – читаем мы у Апеля, – фундаментальный вопрос философии, возникающий из наших предыдущих рассуждений, как раз таков: можно ли исчерпывающим образом определить понятие человеческой рациональности при помощи понятия сциентистской рациональности в духе «logic of science», так что по ту сторону этих границ останется лишь иррациональность произвольных решений?»⁶. Ответить на этот вопрос положительно, т.е. в пользу сциентистски ограниченного понятия рациональности, Апель считает возможным только в том случае, если бы – по меньшей мере в принципе – правилу мог бы следовать «только один и только однажды». Апель здесь имеет в виду, что не может существовать никаких различий в подразумеваемом значении произносимых слов и в способах следования правилам. А это значит, что даже один человек не может никогда воспроизвести одинаково хотя бы дважды своего понимания слова и правила.

Выдвигая целый ряд аргументов против *одной* логики и *одного* субъекта логического позитивизма, Апель понимает, что рискует быть обвиненным в релятивизме. Если субъектов много и у каждого своя логика, то неизбежно встает вопрос о возможности общения между ними. Как мы видели выше, Апель показывает, что реализация замысла Лейбница максимально облегчить общение между

учеными путем создания строгого языка с точным обозначением значения каждого слова усилиями Рассела и Витгенштейна привела к такому положению вещей, когда никакого общения вообще не может быть: у всех субъектов коммуникации один и тот же язык, одна и та же логика, им противостоит одни и тот же мир, логика которого совпадает с логикой языка. С логической точки зрения все субъекты абсолютно одинаковы, можно сказать, что субъект один, общаться ему не с кем и даже потребности такой возникнуть не может. Такая логика, действительно, доминирует в естествознании Нового времени. Из научного знания исключаются все признаки субъекта, его породившего, все дискуссии и споры, предшествовавшие победе одной из конкурировавших теорий. Субъект один, Демон Лапласа, он постоянно совершенствует свои знания о мире, делает их более точными и лучше воспроизводящими действительность. Однако история возникновения знания, все творческие процессы в голове ученого остаются за пределами логики науки.

2. Трансцендентальное коммуникативное сообщество Апель как средство противостоять релятивизму

Противостоять натиску релятивизма Апель пытается, прежде всего, с помощью понятия *трансцендентального коммуникативного сообщества*⁷. В реальном сообществе ученых (философов, логиков), когда достигается соглашение по поводу значения какого-то слова или по использованию правила в контексте той или иной языковой игры (жизненной ситуации), участники договора не могут начинать с нуля, с самого начала. Для них умение взаимопонимания в каждой возможной языковой игре, считает Апель, «априори связано с правилами, которые не могут впервые устанавливаться с помощью “конвенций”, а, прежде всего, сами делают возможными “конвенции” – например, норму соблюдения правил в социальном контексте, а это, среди прочего, имплицитно подразумевает норму истинной речи. *Такие метаправила* всех конвенционально устанавливаемых правил принадлежат, на мой взгляд, не к определенным языковым играм или жизненным формам, а к трансцендентальной языковой игре неограниченного коммуникативного сообщества»⁸. Здесь Апель уже выходит (по его собственным словам) в какой-то

мере за пределы теории игр Витгенштейна. При этом он предостерегает от возможного ошибочного понимания идеи трансцендентального коммуникативного сообщества. Не следует, полагает он, понимать в духе *методического бихевиоризма* рассуждения Витгенштейна о «данных» языковых играх, т.к. тем самым языковые игры превращаются в объекты эмпирико-аналитической науки в духе «logic of science». В этом случае неизбежно утрачивался бы их трансцендентальный смысл. Языковыми играми становились бы только описываемые и наблюдаемые *данные*, которые уже предполагают языковую игру, в контексте которой они могут идентифицироваться и описываться в качестве объективных данных. При описании этой последней языковой игры выяснилось бы, что она предполагает другую языковую игру и т.д. до бесконечности.

Отсюда Апель делает вывод, что концепцию языковых игр невозможно помыслить без противоречий при условии традиционного картезианско-кантовского разделения на субъект-объект. А это означает, что концепция языковых игр несовместима с предпосылками «logic of science», которая отличается от философии Нового времени лишь тем, что она уже не подвергает рефлексии собственные трансцендентальные предпосылки. В силу этого разделение на субъект-объект, подтвердившееся в классической физике, превратилось в само собой разумеющуюся предпосылку любой теории науки.

Апель задается вопросом, в чем же состоит несовместимость концепции языковой игры с принятым в сциентизме субъектно-объектным разделением. В своих попытках ответить на этот вопрос он обращается в основном к социальным наукам, и не всегда бывает ясно, в какой мере его рассуждения относятся к естествознанию. Можно, по-видимому, все-таки сказать, что его позиция имеет отношение к естествознанию самое непосредственное, т.к. разработанная Витгенштейном логика совпадает с логикой естественных наук, и если в логическом позитивизме пересматривается отношение субъект-предмет, значит, и в естествознании, в его логике, происходит то же самое.

В социальных науках зачастую, пишет Апель, общество представляет собой «субъект-объект», с которым можно идентифицировать себя, *понимая*, а не только *объясняя* или *описывая* с помощью правил, привнесенных извне. Для этого необходимо

распознать, что некто фактически, «исходя из самого себя», следует правилам, с помощью которых мы описываем его поведение, что речь не идет всего-навсего о правилах, прилагаемых нами к его поведению извне. Апель ссылается на П. Уинча как на своего единомышленника в обсуждаемых вопросах. Он соглашается с ним в том, что, когда человек следует определенному правилу, например, говорит или осмысленно действует, это можно констатировать только тогда, когда его поведение понимается в связи с некоей языковой игрой как публично контролируемое следование правилам. А установить же это возможно только на основании участия в этой языковой игре.

В этом заключается, по мнению Апеля, решающий шаг через Рубикон объективистской «logic of science». В идею участия в общей языковой игре заложено преодоление субъектно-объектного разделения. Однако осмысленно требовать, считает Апель, такого преодоления можно лишь для понимающих наук о духе, или социальных наук. В XIX в., считает он, в психологической теории понимания как «вчувствования» такое преодоление противопоставления субъекта объекту не было достаточно обосновано.

Апель усматривает парадокс в следующем положении вещей. Беспредельно многие, разнообразные языковые игры или жизненные формы, будучи данными, изначальными, самодостаточными фактами, одновременно должны представлять собой предельные квазитрансцендентальные горизонты правил. Непонятно, однако, как они сами, на каком основании, могли быть идентифицированы в качестве чего-то. Из числа данных языковых игр как квазитрансцендентальных фактов должна исключаться как минимум одна игра, которая предполагается трансцендентальной. Это с одной стороны. С другой же стороны, различные языковые игры не только могут быть наблюдаемыми феноменами для трансцендентальной языковой игры, но эта последняя языковая игра должна быть принципиально способной к понимающему участию во всех данных языковых играх.

Уже здесь возникает вопрос о трансцендентальном единстве различных горизонтов правил, которое не может быть данным, но априори образует некую коммуникативную связь между квазиэмпирически данными языковыми играми. Ведь в противном случае невозможно будет сравнивать различные языковые игры. А философ (или социолог), полагает Апель, может быть способным к сравнительному учас-

тию в данных языковых играх только при помощи определенной языковой игры. И участвовать он должен во *всех* данных ему языковых играх, а не только парить над ними и наблюдать их.

В то же время он должен соблюдать критическую дистанцию по отношению к всевозможным языковым играм или жизненным формам, чтобы сравнивать их как данные в мире, а не «тонуть» в одной из них. При этом философ или социолог должен соотноситься с такой языковой игрой, которая предполагается во всех данных языковых играх и в то же время рассматривается как пока не реализованный идеал. Осуществляя описание языковой игры, философ сам претендует на специфическую языковую игру, которая рефлексивно и критически относится ко всем возможным языковым играм. Поэтому философ уже всегда предполагает, что он принципиально участвует во всех языковых играх или может вступать в коммуникацию с соответствующими языковыми сообществами.

Это вступает в противоречие, однако, с тезисом Витгенштейна о том, что у различных языковых игр нет между собой ничего *общего* за исключением определенного семейного сходства. Но Апелль думает иначе: «В действительности же, – пишет он, – то *общее*, что есть у всех “языковых игр”, заключается, на мой взгляд, в том, что вместе с обучением *одному* языку, а значит, и вместе с успешной социализацией в *одной* связанной с употреблением языка “форме жизни”, происходит обучение *единственной* языковой игре, а значит, и социализация в *единственной* человеческой форме жизни: дело в том, что принципиальным образом при этом обретается *компетенция* для осуществления рефлексии над собственным языком или формой жизни и для осуществления коммуникации со всеми другими языковыми играми»⁹.

3. Об особенностях логики, предлагаемой Апеллем взамен логического позитивизма

Рассмотрим, в какой мере Апеллю удалось продемонстрировать трудности и противоречия в логическом позитивизме (logic of science) и предложить ему замену в лице логики другого типа. Сам Апелль дал название своей книге, в которой собрал наиболее значимые, с его точки зрения, статьи, написанные им в разное время, «Трансформация философии». Это можно понимать так, что предметом его внимания

является произошедшая во второй половине прошлого века серьезная перестройка в позиции многих философов и логиков. Сразу же отмечу, что, с моей точки зрения, Апелю значительно лучше удалось выполнить первую часть поставленной им перед собой задачи, а именно выявить и зафиксировать несоответствия, противоречия в логическом позитивизме, чем предложить что-то ему взамен.

Надеюсь, мне удалось в первой части статьи воспроизвести более или менее адекватно его аргументацию, направленную на обоснование ряда тезисов, свидетельствующих о слабых местах логики, толчок к созданию которой был дан еще Лейбницем, стремившимся сделать максимально легким общение между учеными и между философами. Апель показал, что предельное развитие логического позитивизма, основания которого были заложены Расселом и Витгенштейном, привело к ненужности и невозможности вообще какого бы то ни было интересубъективного общения. Причина этого в том, что в логическом позитивизме, в полном соответствии с логикой естествознания Нового времени, предполагается *один* субъект (логический *солипсизм*), которому не с кем вступать ни в какие отношения. Другими словами, чем больше субъекты будут похожи друг на друга, чем больше у них будет общего (один язык, одна логика, один мир), т.е. чем вроде бы ближе цель, тем эта цель становится недостижимее. Тем все более очевидным образом субъект сжимается в *точку* (выражение Витгенштейна), в одну точку, сосредоточившую в себе всех возможных эмпирических субъектов, способных к интересубъективному общению именно потому, что они не идентичны друг другу.

Логический позитивизм борется с метафизикой, считает ее высказывания бессмысленными, т.к. используемые понятия не обладают точным значением, а рассуждения не всегда подчиняются законам формальной логики. В то же время сам логический позитивизм опирается на целый ряд метафизических предпосылок, утверждает Апель, взяв хотя бы то же самое понятие *одного* субъекта, или протокольного предложения, независимого ни от каких теоретических представлений, или законов формальной логики, которые, при их правильном применении, непременно приведут к истине. Все это предпосылки, формально не доказуемые, принимаемые на веру или по согласованию.

Формальная логика не приспособлена к ведению диалога, считает Апель, т.к. из нее исключаются такие понятия, как я, ты, мы, а предложения верования вызывают большие трудности, которые

были осознаны уже Расселом и Витгенштейном. Обыденный язык, который очень далек по своей структуре от идеального языка науки, является в то же время той основой, в которой содержится возможность конструирования этого языка. Опять мы обнаруживаем не логическое основание строгой логики.

Все эти доводы и ряд других, приводимые Апелем в качестве аргумента в пользу неизбежности серьезных трансформаций в аналитической философии, выглядят, на мой взгляд, убедительными. Менее убедительны его предложения по формированию новой логики intersubъективного общения в рамках философии, естествознания, социологии. Его рассуждения в этой области распределяются по двум основным направлениям. С одной стороны, он предлагает ориентироваться на неограниченное коммуникативное сообщество, которое вносит некий *общий* элемент в правила игры всех возможных жизненных ситуаций. С другой стороны, он считает необходимым для исследователя самому *принять участие* в той игре, правила поведения в которой он изучает.

В первом случае Апель ориентирует исследователя на поиски *общего* во всех наблюдаемых языковых играх с целью наладить intersubъективное общение между ними. Неограниченное трансцендентальное коммуникативное сообщество «руководствуется» правилами, которые приемлемы для любой языковой игры. В итоге мы имеем, что intersubъективное общение тем легче осуществить, чем в большей степени общие правила внедряются в каждую из игр, участвующих в общении. Другими словами, чем больше участники общения будут похожи друг на друга, тем это общение будет успешнее и плодотворнее. Но не напоминает ли это *logic of science* логического позитивизма, общую для всех субъектов, которая привела, по мнению самого Апеля, к ненужности и невозможности какого бы то ни было общения вообще? Как и логический позитивизм, Апель здесь идет по пути *обобщения*, а не *общения*. Но такой путь неизбежно приводит, в конце концов, к одному субъекту и одной логике, а тем самым и к невозможности intersubъективного общения. Надо признать, что у Апеля присутствует стремление сохранить как-то особенность каждой языковой игры даже при внедрении в нее общих правил трансцендентального сообщества, т.е. осуществить проявление всеобщего через индивидуальное без уничтожения индивидуальных особенностей участника intersubъективного общения. Но при этом не предлагается никакого логического механизма такой процедуры.

Второе предложение Апеля об участии исследователя в той языковой игре, которую он стремится понять, направлено на замену субъект-предметного отношения отношением субъект-субъект, единственно приемлемым для intersубъективного общения. В логическом позитивизме наличие одного субъекта означает, что все остальные субъекты воспринимаются как объекты наблюдения и изучения. Чтобы изменить эту ситуацию, Апель и предлагает исследователю включиться в наблюдаемую игру на базе тех правил, которые в ней доминируют. В результате исследователь (социолог, культуролог, философ) получает возможность общения на языке, понятном обоим сторонам.

Можно, однако, возразить Апелью, что язык этот будет тем самым языком, который непереволим на язык наблюдателя, как и правила, которым он станет подчиняться, несоместимы с правилами *его собственно* коммуникативного сообщества. Положение вещей остается прежним: два коммуникативных сообщества (или две языковых игры), общение между которыми по-прежнему проблемно, разные языки, разные субъекты. Наблюдатель-исследователь, «внедрившийся» в изучаемое им сообщество, просто становится его членом, наравне с другими. Ведь по условиям эксперимента он не может менять господствующие там правила, подстраивать их под свои, не может пользоваться своим языком. Получается что-то вроде логического варианта дильтеевского психологического вчувствования, вживания в чужую культуру, в другое сообщество, незнакомую жизненную ситуацию. При этом языковой и поведенческий барьер между разными сообществами полностью сохраняется. То обстоятельство, что исследователь-наблюдатель стал полноправным членом изучаемого им сообщества, отказавшись от своих правил поведения (они окажутся не работающими) и своего языка (его все равно никто не поймет), ничего не меняет в ситуации я – ты. Оба сообщества остаются изолированными друг от друга, коммуникация между ними невозможна.

Таким образом, в первом варианте предлагаемого Апелем выхода из положения мы попадаем в ситуацию логического позитивизма, когда остается один субъект, для которого все остальные – объекты наблюдения и изучения, но никак не равноправные партнеры по intersубъективному общению.

Во втором варианте каждая культура, жизненная ситуация, коммуникативное сообщество, языковая игра обладают своим языком и своими правилами поведения, они индивидуальны, изоли-

рованы друг от друга, не имеют возможности (и у них нет необходимости) общаться. Внедренный к ним исследователь становится членом изучаемого им сообщества, ничем не отличаясь от «аборигенов». Получается что-то вроде философии культуры Шпенглера. Похоже, Апелю не удалось выполнить задачу «...проплыть между Сциллой релятивистской герменевтики, которая условия собственной возможности приносит в жертву плюрализму монад языковых игр, – и Харибдой догматико-объективистской критики других, которые уже не допускаются ни к какому действительному диалогу»¹⁰. Надо признать, что Апель и не претендует на сколько-нибудь окончательное решение этой задачи. Он полагает, что эта цель может быть достигнута (он ссылается при этом на Ю.Хабермаса и Н.Лумана) в далекой перспективе лишь одновременно с *практической реализацией* безграничного коммуникативного сообщества в языковых играх систем социального самоутверждения.

Примечания

- ¹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- ² См.: *Апель К.-О.* Язык и истина в современной ситуации философии // *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 46.
- ³ К.Апель ссылается здесь на Р.Карнапа, в русском переводе: *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Аналитическая философия: становление и развитие.* М., 1998. С. 69–89.
- ⁴ *Апель К.-О.* Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // *Апель К.-О.* Трансформация философии. С. 208.
- ⁵ К.Апель опять ссылается на Р.Карнапа: *Carnap R.* The Logical Syntax of Language. London, 1937. Preface (p. XIII ff.) и p. 51. А также: *Carnap R.* Introduction to Semantics. Cambridge (Mass.), 1942. P. 247.
- ⁶ *Апель К.* Коммуникативное сообщество ... С. 217.
- ⁷ Понятие *трансцендентального коммуникативного сообщества* у К.Апеля анализируется в статье Л.А.Микешиной «Трансцендентальные измерения гуманитарного знания» (Вопр. философии. 2006. № 1. С. 49–66).
- ⁸ *Апель К.* Коммуникативное сообщество... С. 220.
- ⁹ *Апель К.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // *Апель К.* Трансформация философия. С. 253.
- ¹⁰ *Апель К.* Коммуникативное сообщество... С. 235–236.